

Береги. - 2000. - 27 мая с. 6.

Ефремов. Театр. Мы

Не стало Олега Ефремова. Ефремова, который руководил 30 лет Московским Художественным театром (с 1989-го — МХАТ им. А.П. Чехова); Ефремова, который создал в 1956 году уникальный новый театр «Современник»; Ефремова — крупнейшего театрального деятеля России; Богом отмеченного Артиста, Богом отмеченного Человека.

Андрей ЗОЛОТОВ, заслуженный деятель искусств

В СЕЙ историей своей жизни в русском театре Олег Николаевич Ефремов соединил единую и единственную для каждого из нас действительность с искусством как художественным воплощением человеческого совершенства, неприкосновенной стихией личности и надеждой на идеальное претворение своей веры — в человека, в любовь.

Его сравнивали с Дон Кихотом. Мысли и чувства эти понятны. Но мне видится Ефремов в этот миг русским Дон Гуаном, истоиво и с безоглядной смелостью открывшимся в своей любви к театру и людям театра, людям жизни. («Я Дон Гуан, и я тебя люблю» — так открывается пушкинский герой Донне Анне, себе и нам в «Каменном госте»).

Исход его собственного существования был предрешен. И неумолимый и ревнивый Каменный гость уже давно держал его руку. Любившие и не любившие его люди, сочувствовавшие и не сочувствовавшие его искусству, его образу жизни в искусстве, его образу мысли в искусстве и жизни, не жалея, бросали ему слова упрека и непонимания. Мучили вопросами, на которые нет ответа. Торопили уйти из чеховского МХАТа, торопили уйти из искусства, которое было для него жизнью.

Ефремов — феномен русского театра XX столетия. Изумительное и восхищающее явление русской культуры советского периода. Покоряющая и притягивающая к себе художественная личность из высокой трагедии наших дней. Художник, конгениальный своему, нашему и, стало быть, будущему времени, СО-ВРЕМЕННОК!

Он был совершенно свободен от претензий на мировое величие. Он ощущал себя внутри театра, внутри искусства, внутри России. И одержим был лишь одним, одной страстью — со-

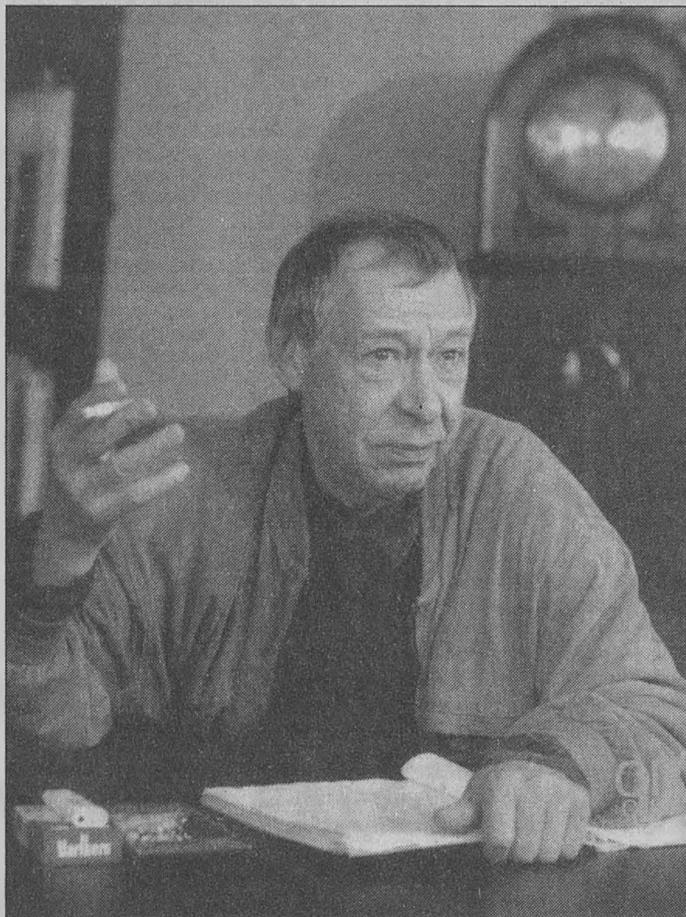
брать, укрепить, поддержать, возвысить дух окружающих его людей на сцене и в зале и найти себя среди них, сделав это достойно, по-человечески. Он не утверждал себя за счет других. Он жил другими, но жил в себе — узнаваем во всем и всюду, большой актер со своей интонацией и в жизни, и в искусстве.

Интонация — это больше, чем голос. Интонация звучит во времени, звучит в веках. Интонация принадлежит только самому художнику. Интонация не позволяет ничто, никого, ни с кем и ни с чем спутать. Интонация в искусстве — это истина. Ефремов нес в себе интонацию истины. Его искусство не знало фальшивых нот. Мы прощаемся в эти дни с правдивой жизнью.

Когда актер живет в искусстве сам по себе, естественно искать для него определения, которые бы его утвердили в дальнейшей исторической жизни. Ефремов как бы в этом не нуждается. Он был настолько растворен в художественном процессе, настолько растворен в русской жизни, что «собрать» его в какой-то один сосуд и обозначить этот сосуд, в сущности, невозможно.

Для русского театра он был явлением природы. Невыразимо волнующей природы русской души. Искусство Олега Ефремова в театре, в кино, на телевидении, в общественной жизни несло в себе тревогу, боль. И надежду, охраняющую нас доброту, изначальное понимание другого человека, понимание из любви.

Мне приходилось не только видеть многие работы Ефремо-

ва на сцене, в кинематографе, на телевидении. Довелось, как и многим, общаться с ним лично. И ощущение обаяния и мужественной свободы этого человека всегда рождало ответный ток невыразимой душевной приязни к нему — удивительному художественному творению.

При взгляде на Олега Ефремова на сцене и в жизни наполнялись заново смыслом слова Льва Толстого (запис в его дневнике последних лет): «Вышел, посмотрел на закат и понял, что жизнь человеческая — это не шутка»...

Вижу его в спектаклях «Со-

временника». Вижу его на сцене МХАТа, в его мхатовском кабинете, в артистической после спектакля. И во многих, многих других «интерьерах жизни». Вот он — Мольер, вот — Борис Годунов. Вот — Гендель в ансамбле со Смоктуновским — Бахом. Этот ефремовский Гендель был совершенно изумителен, талантлив беспредельно и трагичен тоже беспредельно. Его Гендель понимал, что есть на свете и рядом нечто более важное, чем его творчество, и более значительное, чем интересы его собственной жизни, как они сформулировались и сложились.

В художественной жизни России Олег Ефремов абсолютная величина. А это больше, чем абсолютность или относительность тех или иных конкретных шагов на сцене жизни. Для Ефремова жизнь была выше искусств. И это прекрасно. Ефремов понимал, что настоящим искусством становится только то, что выходит за пределы искусства, становится жизнью. Он был воистину предан эстетике Художественного театра, как ее понимали основатели и корифеи театра. И он укрепил, поддержал и развил эту эстетику в реальной жизни реального времени. С Ефремовым театр перешел свой 100-летний порог и в новом своем веке уже должен сам понять, как ему жить дальше. Ефремов принял театр в трудную пору и три десятилетия своей жизни посвятил сохранению театра, поддержанию в нем атмосферы, необходимой для будущей жизни. Не мне судить, насколько это удалось.

Настоящее искусство живо страданием. Олег Ефремов выстрадал свою прекрасную жизнь в искусстве. И мысль о нем — мысль радостная и благодарная. Олег Ефремов — это высокая реальность нашего театра. Это легенда о правде на сцене и в жизни. Это легенда о любви.

Мне навсегда запомнились слова Георгия Свиридова, сказанные им, когда он услышал скорбную весть о кончине великого русского дирижера Евгения Александровича Мравинского: «Смерть снимает верстовые столбы».

Олег Ефремов — верстовой столб русского искусства. Верстовые столбы нужны, необходимы, чтобы знать путь, чтобы считать версты и ощущать реальность движения.

Но наша память ставит свои верстовые столбы на нашей дороге. Дороге, которую мы способны избрать. На пути, который мы способны осилить. Олег Николаевич Ефремов нам необходим. Сейчас понимаешь это с особенной болью и с особенным счастьем — был, знали, любим.

При Ефремовом установили в фойе МХАТа скульптурные портреты Станиславского, Немировича-Данченко, Саввы Морозова. Думаю, что скульптурный портрет Олега Николаевича рано или поздно (пусть лучше рано) появится в фойе Художественного театра как знак, как символ, как напоминание об истинной жизни в искусстве на Руси.

*«Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты времени заложник,
У времени в плену»...*

Звучат и звучат пастернаковские строки в музыке Свиридова, в нашем сердце.

Олег Николаевич Ефремов уснул. Просто устал и уснул. Люди умирают от болезни. Художник умирает от усталости.

Но, может быть, он не умирает, а действительно лишь засыпает. И во сне слышит и видит нас...